

А. Д. КАКСИН

(Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, Абакан, Россия)

ORCID ID: 0000-0001-9632-8286

УДК 821.161.1-31(Достоевский Ф. М.)

DOI 10.26170/2306-7462_2021_04_03

ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)5-8,444

ПЕТЕРБУРГ ДОСТОЕВСКОГО: РЕАЛЬНОСТЬ И МИСТИКА В ЖИЗНИ ГЕРОЕВ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ»

Аннотация. Статья посвящена углублению представлений о психологизме многих произведений (прежде всего – романов) русской классической литературы второй половины XIX века. Раскрывается мысль о том, что некоторые представления о психологизме, к примеру, романов Ф. М. Достоевского, можно составить, рассматривая образы героев с точки зрения того, какую роль играет в их жизни мистика. На основе герменевтического подхода делается попытка определить роль «мистического» в жизни Раскольникова, Сони и Свидригайлова – героев романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». При этом значительное внимание уделяется вопросу о том, склонен ли сам герой объяснять свои поступки влиянием чего-либо мистического. Автор приходит к выводу о том, что названные персонажи являют собой определённые психологические типы, существующие в реальной жизни. Они допускают присутствие мистического компонента в жизни, но объясняют своё поведение и действия окружающих объективными жизненными обстоятельствами. Мистика появляется лишь в некоторых местах, связана она с определёнными моментами жизни отдельных героев. Но это, скорее, просто авторский взгляд, понимание, навязываемое читателю самим автором, или, говоря иначе, понимание, вытекающее из самого стиля Достоевского, предполагающего сложное, многозначительное изображение жизни людей, живущих в таком непростом городе, как Петербург.

Ключевые слова: русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные герои; романы; типажи Петербурга; образ Петербурга; реальность; мистика; герменевтика.

Произведения Ф. М. Достоевского, по общему признанию, – сложны для восприятия, неоднозначны, насыщены психологизмом, аллегориями, реминисценциями и другими элементами индивидуального авторского стиля. Их действие во многих случаях происходит в столице Российской империи, и этот великий город изображен писателем в мельчайших деталях. Совершенно закономерно в представлении читателей сложилось

отдельное понятие о Петербурге Ф. М. Достоевского. И самый этот феномен уже давно стал предметом специальных исследований, являющихся в виде объёмных трудов и небольших статей [Фридлиндер 1964; Селезнев 1980; Захаров 1985; Белов 2002; Тарасова 2015].

Вот как выразился об этой связи великого города и героев Ф. М. Достоевского один из выдающихся исследователей творчества писателя: «Только в мрачном и таинственном Петербурге могла зародиться “безобразная мечта” нищего студента, и Петербург здесь не просто место действия, не просто образ – Петербург участник преступления Раскольникова» [Белов 1979: 25-26].

Многажды исследовались и художественные особенности данного романа Ф. М. Достоевского: описаны его общие черты, поэтика, стилистика, образность [Альми 1991; Бахтин 1994; Гаврилова 2015; Хроликова, Ермоленко 2017; Кожевников, Данилова 2019; Ермоленко, Кадушина 2021].

Нам хотелось бы приблизиться к этой необъятной теме только в одном аспекте (находящемся в русле герменевтического направления): есть ли какие-либо отчётливые мистические проявления в жизни главных героев романа, видят ли они сами влияние чего-либо мистического.

Петербург во времена Ф. М. Достоевского, также как и до, и после, был столицей огромной империи, городом богатым, с великолепной архитектурой. А единственным в своём роде, неповторимым его делали люди, жившие на берегах Невы. Во многом, конечно, это были те же люди, что населяли и другие города и веси России. Но жизнь в огромном городе, столице в значительной мере определяет и какой-то особенный облик его жителей. И эти «петербургские» черты, так тщательно выписанные Ф. М. Достоевским (а также другими авторами), давно являются одним из предметов анализа исследователей [Гус 1971; Белов 1979; Кирпотин 1986; Альми 1991].

Петербург в «Преступлении и наказании» предстаёт, прежде всего, абсолютно реальным городом. Вместе с тем в романе отчётливо прослеживается некая мистическая линия, связанная с отдельными героями и местами, которые они посещают. Глав-

ные персонажи, чья линия поведения сопровождается мистикой, – это, безусловно, Соня Мармеладова и Свидригайлов.

Раскольников к числу персонажей, вокруг которых возникают мистические круги, в целом не относится. Главный герой, напротив, глубоко погружён в неприятную действительность окружающей жизни. Как известно, и само действие начинается с «путешествия» Раскольникова от Столярного переулка к Кокушкину мосту, и эти объекты (а также многие другие, называемые далее) совершенно реальны и по сей день. Сокращённое наименование, принятое автором, не помогает их «сокрытию»:

«В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К-ну мосту» (6)¹.

И далее, как можно видеть по мере движения сюжета, бедный студент действует в подобных же обстоятельствах, такой же обстановке:

«На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль... Нестерпимая же вонь из распиловочных, которых в этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшие, несмотря на буднее время, довершили отвратительный и грустный колорит картины» (7).

Поведение Раскольникова на улице, в посещаемых им заведениях, квартирах и каморках продиктовано, видимо, обычными расчётами человека, удручённого бедностью, но придумавшего, как от этой бедности избавиться. В этом поведении сквозит болезненность («расстроенные нервы»), но мистики – нет никакой. Иногда совершенно бесстрастно, а часто и со «злым презрением» наблюдает герой обычные для Петербурга виды в кварталах, расположенных между Невским и Вознесенским проспектами, набережными Мойки и Фонтанки.

---

¹ Здесь и далее цит. по: [Достоевский 2019] с указанием страниц в тексте статьи.

«Близость Сенной, обилие известных заведений и, по преимуществу, цеховое и ремесленное население, скученное в этих срединных петербургских улицах и переулках, пестрили иногда общую панораму такими субъектами, что странно было бы и удивляться при встрече с иною фигурой» (7).

Действительно, в описании петербургских картин очень часто подчёркивается преобладание толпы, шума и сутолоки. Этот беспорядок заметен уже с первых страниц, с описания улиц и набережных, прилегающих к Сенной:

«На улице опять жара стояла невыносимая; хоть бы капля дождя во все эти дни. Опять пыль, кирпич и известка, опять вонь из лавочек и распивочных, опять поминутно пьяные, чухонцы-разносчики и полу-развалившиеся извозчики» (76).

Внутренние помещения также не отличаются особым разнообразием. И в доходных домах, и во всякого рода заведениях можно наблюдать облупившиеся стены, осыпавшуюся штукатурку, грязные шторы, рваные занавески и другие подобные виды:

«Огарок освещал беднейшую комнату шагов в десять длиной; всю ее было видно из сеней. Все было разбросано и в беспорядке, в особенности разное детское тряпье. Через задний угол была протянута дырявая простыня» (22).

Это обычная петербургская реальность, известная публика – среда, которая всё время и окружает главных героев. Они и сами являются частью многоликой петербургской толпы. Раскольникову каким-то образом удаётся жить в такой среде, но при этом держаться все-таки особняком. Молодость, ум, здравый смысл превалируют в нём, не дают скатиться, подобно Мармеладову, совсем на дно.

В течение всего действия романа Раскольников ведёт себя осознанно и здраво, несмотря на болезнь, охватившую его на некоторое время. Действует он крайне осторожно, он всё обдумал заранее и знает наверняка, что в таком большом многоликом, беспорядочном городе легко скрыть улики. Он хорошо знает город, учился здесь несколько лет. Но в целом о его универ-

ситетской жизни рассказывается крайне скупо. Интересно, что об учёбе Раскольникова можно составить представление, только спроецировав на главного героя образ Разумихина. В каком-то отношении они являются антиподами, но известно и то, что противоположности тяготеют друг к другу.

То, что главный герой склонен к рефлексии, причём разнонаправленной рефлексии, становится понятно с самого начала. В этом плане очень значимым обстоятельством является факт написания Раскольниковым научно-публицистической статьи. И совсем не странно, что идеология этой статьи послужит одной из ниточек, потягивая за которые, оказывается на верном пути в своем следствии Порфирий Петрович. Первый раз об основной мысли, заложенной в статье, сам её автор говорит следующее:

«Разница единственно в том, что я вовсе не настаиваю, чтобы необыкновенные люди непременно должны и обязаны были творить всегда всякие бесчинства <...> Я просто-запросто намекнул, что “необыкновенный” человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует» (201).

Другими словами, Раскольников, считая себя необыкновенным, склонен оправдать совершение преступления существованием некой великой, масштабной идеи. Но не замечает подмены понятий: пришедшая ему идея не является не только великой, но даже и просто здоровой; напротив, она нерациональна, лишена глубины и попросту эмоциональна (т.е. исходит из сердца, а не из головы). Как раз на это обстоятельство обращает внимание Порфирий Петрович во время встречи в камерке Раскольникова:

«Повторяю, нетерпеливы и больны вы очень, Родион Романыч. Что вы смелы, заносчивы, серьезны и... чувствовали, много уж чувствовали, всё это я давно уже знал-с. Мне все эти ощущения знакомы, и статейку вашу я прочел как знакомую. В бессонные ночи и в иступлении она замышлялась, с подыманием и стуканьем сердца, с энтузиазмом подавленным. А опасен этот подавленный, гордый энтузиазм в молодежи!» (347).

Понятно, однако, что эта пресловутая статья является лишь одним звеном в той длинной цепочке фактов, которые рассматривает, сопоставляет Порфирий Петрович (признания Миколки, показания других возможных свидетелей). Но даже умнейший Порфирий Петрович не знает, не ведает, какие события происходят с Раскольниковым, какие мысли бродят в его голове. Достаточно долго он держится молодцом потому, что ему удалось убедить самого себя, что он ничего особенного не совершил, а то, что сделал, – сделал правильно: он никого не убил, а просто отодвинул, отвёл от себя и своих близких некоторое зло, нечто препятствующее, противное начало. В этом отношении знаменательно состояние Раскольникова после встречи с мещанином, который в какой-то момент пришёл к дому, где жил Раскольников. Сцена эта заканчивается так:

«Тихим, ослабевшим шагом, с дрожащими коленами и как бы ужасно озябший воротился Раскольников назад и поднялся в свою каморку. Он снял и положил фуражку на стол и минут десять стоял подле, неподвижно. Затем в бессилии лег на диван и болезненно, с слабым стоном, протянулся на нем; глаза его были закрыты» (211).

Но и эта встреча, на первый взгляд, как будто мистическая (на самом деле – подстроенная следователем Порфирием Петровичем), ненадолго выводит Раскольникова из своего убеждения, что нужно бороться и дальше. Главный герой, кажется, вообще не склонен к мистическому объяснению каких-либо событий и действий. Но мистика все-таки входит в жизнь Раскольникова – и в самый решительный момент. И момент этот связан, конечно, с Соней. Она подводит его к необходимости попросить прощения, облегчить душу, сделать признание, и всё время незримо следует за ним по пятам, как будто следя за тем, как воплотится её просьба. В итоге Раскольников совершает требуемое, и в этом, действительно, есть что-то мистическое.

«Он вдруг вспомнил слова Сони... И до того уже задавила его безвыходная тоска и тревога всего этого времени, но особенно последних часов, что он так и ринулся в возможность этого цельного, нового, полного ощущения. Каким-то припадком оно к нему вдруг подступи-

ло: загорелось в душе одною искрой и вдруг, как огонь, охватило все-го. Всё разом в нем размягчилось, и хлынули слезы. Как стоял, так и упал он на землю...» (403).

Вообще, Соня – такой персонаж, к которому больше всего подходит выражение: «Это у нее карма такая». Понятие это, как известно, философски двуедино. «В широком смысле карма – это общая сумма совершенных всяким живым существом поступков и их последствий, которые определяют характер его нового рождения, т. е. дальнейшего существования; в узком смысле – влияние совершенных действий на характер настоящего и последующего существования» [Энциклопедия мистицизма 1996: 174].

Соня является носителем и того, и другого «варианта» кармы. Более того, она верит в бога, и эта вера заставляет её думать о том, что покаяние будет услышано и поможет человеку в будущем, перед судом праведным. Эту свою веру она каким-то неведомым (мистическим) образом передаёт и Раскольникову.

И, конечно, очень много мистического скрывается за образом Свидригайлова. По отдельным эпизодам даже представляется, что он – второй человек, совершивший преступление и, соответственно, получивший наказание. Где-то в предшествующей своей жизни Свидригайлов стал причиной ухода из жизни Марфы Петровны, а некоторые, знавшие его в тот период, склонны и прямо обвинять его в этом. Но все-таки, видимо, это было не преступление в юридическом смысле слова (в том смысле, которое применимо к деянию Раскольникова). Скорее всего, там не было умысла. Однако отчётливо видно, что сам Свидригайлов отдаёт отчёт в своей неправоте, потому сам и сводит счёты с жизнью.

Ещё до физического появления Свидригайлова в Петербурге об этом загадочном господине упоминается в письме матери Раскольникова:

«Представь себе, что этот сумасброд давно уже возымел к Дуне страсть, но все скрывал это под видом грубости и презрения к ней» (28).

По всей видимости, Свидригайлов относится к типу людей, живущих, прежде всего, своими интересами. Они живо интере-

суются всем, легко сходятся с людьми. Но, как только интерес к каким-то занятиям у них пропадает, они склонны уйти и от людей, связанных с этими интересами.

Говоря иначе, Свидригайлов относится к типу людей, живущих, конечно, страстями, но при этом рассудочных и рациональных. Они позволяют некоторым людям из числа окружения даже повластвовать, поскольку хорошо знают пределы возможностей этих людей. Такие личности, как Свидригайлов, вообще хорошо знают жизнь, и потому склонны быстро разочаровываться в ней (но прежде, конечно, в людях). И эти эгоистичные люди в общем случае не могут переступить через определённые самой жизнью (или судьбой) рамки возможностей. Вот как об этом рассуждает сам Свидригайлов в ночь перед принятием решения об уходе из жизни:

«Он опять замолчал и стиснул зубы: опять образ Дунечки появился пред ним точь-в-точь, как была она, когда, выстрелив в первый раз, ужасно испугалась, опустила револьвер и, помертвев, смотрела на него, так что он два раза успел бы схватить ее, а она и руки бы не подняла в защиту, если б он сам не напомнил. Он вспомнил, как ему в то мгновение точно жалко стало ее, как бы сердце сдавило ему... “Э! К черту! Опять эти мысли, всё это надо бросить, бросить!...”» (388).

Свидригайлов, таким образом, является фигурой скорее пылкой, страдающей, руководимой правилами, им же самим придуманными, и правила эти лучше бы назвать красивыми, воображаемыми, даже эстетическими. Уход Свидригайлова изображён именно таким – логически объяснимым, завершённым и необъяснимым для окружающих (но не для самого романтического героя). Он знает, что и почему делает, а до мнения других ему нет дела («пусть что хотят, то и думают»). И, конечно, свою мистическую роль играют в этом заключительном эпизоде жизни Свидригайлова проявления водной стихии – поднявшаяся вода, туман и осыпавшийся брызгами куст:

«Молочный, густой туман лежал над городом. Свидригайлов пошел по скользкой, грязной деревянной мостовой, по направлению к Малой Неве. Ему мерещились высоко поднявшаяся за ночь вода Малой Невы, Петровский остров, мокрые дорожки, мокрая трава, мокрые деревья и кусты и, наконец, тот самый куст...» (391).

Однако, далее эта мистика заканчивается, и заключительная сцена представляет собой уже вполне реалистичную картину. Иными словами, в романе «Преступление и наказание» видится определённый взгляд Ф. М. Достоевского на соотношение реальности и мистики в Петербурге. Это соотношение лучше назвать – диалектическим.

Вдумчивый читатель может увидеть едва намеченное противопоставление абсолютно реальной Сенной (с её окрестностями) и мистичной Петербургской стороны и Островов (там Раскольникову снится забитая лошадь, там стреляется Свидригайлов). Персонажей, подверженных влиянию мистических сил, не так уж много. Раскольников обходится без веры в сверхъестественное, и некоторое чудесное его преобразование происходит лишь в конце, под влиянием Сони. Эту героиню, кажется, больше всего сопровождает нечто мистическое. Самоубийство Свидригайлова выглядит неоднозначно, сложно, как сама жизнь: это одновременно и трагедия неординарного человека, и расчётливая игра, постановка.

Таким образом, мистика появляется лишь в некоторых местах, и связана она с определёнными моментами жизни некоторых персонажей (но сами они не догадываются о мистичности происходящего). В целом герои романа не склонны придавать большое значение каким-то *таким* явлениям. Кажется, что видение мистического исходит от самого писателя, но тоже – до известной степени. Продолжая традиции А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевский создаёт представление о реальном многоликом городе, в котором есть место и мистике.

ЛИТЕРАТУРА

Альми И. Л. О романтическом «пласте» в романе «Преступление и наказание» // Достоевский. Материалы и исследования / ред. Г. М. Фридлендер. Л. : Наука, 1991. Т. 9. С. 66-75.

Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского. Киев : Next, 1994. 511 с.

Белов С. В. Петербург Достоевского. СПб. : Алетейя, 2002. 355 с.

Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий. Л.: Просвещение, 1979. 240 с.

Гаврилова Л. А. Взаимосвязь мировидения и художественных принципов Ф. М. Достоевского // Верхневолжский филологический вестник. 2015. №1. С. 107-111.

Гус М. С. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. 2-е изд., доп. М.: Худож. лит., 1971. 592 с.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: Иллюстрированное издание с примечаниями и очерком Акима Вольтынского. СПб.: СЗКЭО, 2019. 432 с.

Ермоленко С. И., Кадушина О. И. Из тьмы к свету: рембрандтовское освещение в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2021. Т. 31. №2. С. 297-308.

Захаров В. Н. Система жанров Достоевского (типология и поэтика). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 209 с.

Кирпотин В. Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова (Книга о романе Достоевского «Преступление и наказание»). М.: Худож. лит., 1986. 414 с.

Кожевников Н. Н., Данилова В. С. Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского в контексте герменевтического треугольника // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2019. №6 (74). С. 95-102.

Селезнёв Ю. И. В мире Достоевского. М.: Современник, 1980. 375 с.

Тарасова Н. А. Христианская тема в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: Проблемы изучения. М.: Квадрига, 2015. 192 с.

Фридлиндер Г. М. Реализм Достоевского. М.; Л.: Наука, 1964. 404 с.

Хроликова В. А., Ермоленко С. И. Ассоциативный фон эпистолярного романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2017. №4. С. 39-57.

Энциклопедия мистицизма. СПб.: Литера, 1996. 480 с.

REFERENCES

Al'mi I. L. O romanticheskom «plaste» v romane «Prestuplenie i nakazanie» // Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya / red. G. M. Fridlender. L. : Nauka, 1991. T. 9. S. 66-75.

Bakhtin M. M. Problemy tvorчества Dostoevskogo. Problemy poetiki Dostoevskogo. Kiev : Next, 1994. 511 s.

Belov S. V. Peterburg Dostoevskogo. SPb. : Aleteyya, 2002. 355 s.

Belov S. V. Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie»: Kommentariy. L.: Prosveshchenie, 1979. 240 s.

Gavrilova L. A. Vzaimosvyaz' mirovideniya i khudozhestvennykh printsipov F. M. Dostoevskogo // Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik. 2015. №1. S. 107-111.

Gus M. S. Idei i obrazy F. M. Dostoevskogo. 2-e izd., dop. M. : Khudozh. lit., 1971. 592 s.

Dostoevskiy F. M. Prestuplenie i nakazanie: Illyustrirovannoe izdanie s primechaniyami i ocherkom Akima Volynskogo. SPb. : SZKEO, 2019. 432 s.

Ermolenko S. I., Kadushina O. I. Iz t'my k svetu: rembrandtovskoe osveshchenie v romane F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya. 2021. T. 31. №2. S. 297-308.

Zakharov V. N. Sistema zhanrov Dostoevskogo (tipologiya i poetika). L. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1985. 209 s.

Kirpotin V. Ya. Razocharovanie i krushenie Rodiona Raskol'nikova (Kniga o romane Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie»). M. : Khudozh. lit., 1986. 414 s.

Kozhevnikov N. N., Danilova V. S. Zhizn' i tvorchestvo F. M. Dostoevskogo v kontekste germeneyticheskogo treugol'nika // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. 2019. №6 (74). S. 95-102.

Seleznev Yu. I. V mire Dostoevskogo. M. : Sovremennik, 1980. 375 s.

Tarasova N. A. Khristianskaya tema v romane «Prestuplenie i nakazanie» F. M. Dostoevskogo : Problemy izucheniya. M. : Kvadriga, 2015. 192 s.

Fridlender G. M. Realizm Dostoevskogo. M. ; L. : Nauka, 1964. 404 s.

Khrolikova V. A., Ermolenko S. I. Assotsiativnyy fon epistolyar-

nogo romana F. M. Dostoevskogo «Bednye lyudi» // Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Russkaya klassika: dinamika khudozhestvennykh sistem. 2017. №4. S. 39-57.

Entsiklopediya mistitsizma. SPb. : Litera, 1996. 480 s.